

Николай Басов

Крылья для ангела

Николай Басов

Крылья для ангела

«Автор»
1999-2000

Басов Н. В.

Крылья для ангела / Н. В. Басов — «Автор», 1999-2000

ISBN 978-5-457-21281-7

Поссорившись с женой, Чулков выходит в сквер развеяться... Здесь-то человек в очках с дымчатыми стеклами передает ему загадочный пакет, который может решить все проблемы. А Чулков всегда хотел летать...

ISBN 978-5-457-21281-7

© Басов Н. В., 1999-2000

© Автор, 1999-2000

Николай Басов

Крылья для ангела

Поссорившись с женой из-за того, что он задержался с ребятами в пивнушке, а она, как оказалось, не хотела третий раз разогревать борщ, Федор Чулков вышел из дома. Идти ему было некуда, все приятели уже, наверное, сидели перед телевизорами, и вряд ли мечтали продолжать. Весело, когда народу много, а вдвоем с кем-либо, да еще под изучающими взглядами чужой жены сидеть перед тем же телевизором было не с руки. Поэтому Чулков отправился на Новодевичье поле, где давно заприметил недорогой, и как ему казалось, вполне приличный ларек. Он решил остыть от упреков, которые выслушал, а также от слов, которые сам, разгоряченный, высказал, и о которых уже жалел.

Походив между кустов, он неожиданно заблудился, а потому просто присел на лавочку под кустом сирени. Взвешивая, возможно ли выпить еще хотя бы одну бутылку пива, он просто сидел, и смотрел на влюбленные парочки и на собачников, которые после ужина стали выводить своих хвостатых приятелей на прогулку. Внезапно откуда-то сзади послышался голос:

– Чего сидим-то?

Это был странный мужичек. С серой полотнятой кепке, в толстых очках какого-то дымчатого цвета, за которыми почти не видно было глаз, с большим, просто необъятным пакетом из коричневой оберточной бумаги в руках. Он по хозяйски расположился рядом с Чулковым и дружелюбно улыбнулся.

Федор покосился на мужичка, но все-таки решился. И рассказал, как мог, что вот – жизнь катится без смысла, жена ругается, дочь не здороваается, сын учится не то, чтобы плохо, но как-то лениво, поговорить не с кем, и что раньше все было лучше.

Мужичек сдержанно вздохнул, и вдруг уверенно, даже с тайным удовлетворением, проговорил:

– Есть способ все исправить.

– Да ну? – не поверил Чулков.

А чтобы разочарование стало более явственным, хмыкнул. Хмык получился не очень выразительный, поэтому Чулков повторил его. Снова получилось не очень, тогда он попробовал третий раз, на этот вышло удачно.

– Конечно, – уверенно отозвался мужичек в кепке. – Вот, держи.

И он сунул в руки Чулкова свой пакет. Вернее, поставил его перед Федором, потому что в высоту пакет был почти под два метра, так что даже загородил всю аллею. Чулков осторожно, стараясь не очень волноваться, пощупал то, что находилось под бумагой. Это было что-то очень легкое, плотное, ершистое и шуршащее.

– Что это?

– А крылья, – отозвался мужичек. – Ангельские. Надень их, помаши как следует, и полетишь... Если силенок хватит.

– Силенок у меня хватит, – отозвался Федор. – А вот как быть с расчетами? Если бы люди вот так обыкновенно могли летать, кто-нибудь уже наверняка...

– Не сомневайся. Расчеты были, – отозвался мужичек. – Видишь, все глаза над ними растерял.

Почему-то это утверждение показалось Федору убедительными.

– Ну, раз так... – начал было он, но снова договорить не сумел.

Мужичек поднялся, снял кепку, пригладил реденькие волосы, снова натянул свой головной убор, и строго произнес:

– Слышишь, Чулков, ты не сомневайся.

Федор не мог вспомнить, представлялся он этому типу, или нет. Но то, что его назвали правильно, определенно на что-то указывало. Может, действительно есть такие люди, которые за здорово живешь раздают ангельские крылья?

– Ладно, – согласился он. Ему-то было сейчас все по барабану. Он бы и бронепоезд купил, если бы в цене сошлись, хотя это совсем уж бессмысленная вещь, не то что крылья. – Может, найдем ларек и по пиву выпьем? Я угощаю. А то неудобно так вот... Бесплатно.

– Я пива терпеть не могу, и никогда его не пью, – еще более веско ответил очкастый, и пошел по аллее, осторожно обходя наиболее свирепых на вид собак. Когда он уже должен был скрыться за поворотом, то вдруг обернулся и сделал странный жест руками, словно пытался взлететь. И прокричал: – И тебе не советую!

Почему-то это подействовало на Чулкова лучше всякой ругани. Он поднялся, подхватил крылья, которые оказались вполне транспортабельными, и отправился домой.

* * *

Понутру у него почему-то болела голова. А вчера казалось, что он был бодрый и мог бы выпить еще с пол-ведра. Странное настроение, которое наваял на него мужичек, и особенно, крылья, не проходило. Он вышел в прихожую, нашел огромный пакет и присмотрелся к нему.

Из кухни появилась жена с дочерью. Они смотрели на Чулкова нахмуренно, и совершенно одинаково. Как будто он должен был в чем-то оправдываться. Но вместо упреков, жена с вызовом поинтересовалась:

– Чулков, что это такое?

– Ангельские крылья, – объяснил Федор. – Вчера на Новодевичьем поле один непонятный тип...

– И слышать не хочу, – отмахнулась жена и ушла на кухню. А дочь фыркнула, и куда выразительнее, чем это когда-либо удавалось Чулкову.

– А вот и крылья! – почти в отчаянии закричал Чулков, и стал вытаскивать их из пакета.

Вообще-то он их еще не видел. Вчера, когда пришел, было не до того. А потом он и вовсе про них подзабыл. Только сегодня вспомнил.

Каркас был сделан из какого сложного по составу беловато-серого вещества, с легкими, удобными петлями для рук. На конце и сзади крылья оканчивались перьями, жесткими, упругими и гладкими, так что даже провести по ним ладонью было приятно. Спереди кромка крыльев была покрыта пухом, который должен был, вероятно, захватывать воздух при взмахх.

– Здорово, пап, – сказал сын, выныривая из ванной, и разглядывая крылья, как и сам Федор. – Думаешь, настоящие?

Федор вздохнул. Если бы сын не спросил, он, возможно, отложил бы их на антресоль или повесил на стену. А вот этот вопрос все поставил на свое место – крылья следовало испытать. Федор подхватил их, прошел через большую комнату, где стояла его с женой кровать. Сын обо всем догадался, обогнал его, и открыл дверь. Федор вышел на балкон.

Жил он на третьем этаже, в хрущевской пятиэтажке. Еще три таких же дома были поставлены, образуя двор, в котором были устроены качели, песочница, и который когда-то был покрыт кустами боярышника. Теперь этот боярышник по очереди вырубали соседи, покупая себе машины. Так что развернуться в этом дворе было где, в смысле – полетать.

Он посмотрел вниз. Там по дорожке шли на работу люди, Чулкова они не видели, он их, похоже, совсем не интересовал, а это обнадеживало. Правда, если расчеты мужика были неправильны, падать Федору показалось высоко и несправедливо, но он все-таки вдел руки в три последовательные, жестковатые как на старинном щите петли – у плеча, у локтя и захва-

тил в кулаки самые дальние держалки. Крылья изогнулись, теперь они лежали на Федоре, словно срослись с ним.

– Подожди, пап, тут сзади ремень какой-то, кажется его нужно... – Сын подхватил ремешек слева, натянул, и застегнул на правом крыле, соединив всю систему воедино. Зашел спереди. Нашел еще пару каких-то тоненьких, но очень прочных и тугих ремешка и тоже уверенно, словно всегда этим занимался, загнал в пряжки, похожие на те, что были у Федора на сандалетах. – Вот теперь правильно.

Федор почувствовал себя не очень привычно. Он распростер крылья. Откуда-то сзади раздался голос дочери:

– Вы это что тут затеяли?

А потому Федор, не обернувшись, взмахнул крыльями. Хорошо, что у него на балконе не было всяких шкафов или досок. Хорошо, что у него балкон был не застеклен, как у многих соседей. Иначе было бы хуже, пришлось бы примеряться прыгать с крыши, а это было бы страшнее.

Сначала крылья дернули его вперед, он чуть изменил угол атаки, взмахнул еще раз, сильнее и шире, и... подлетел. Прямо вверх, словно подпрыгнул на месте, хотя он и не прыгал. Конечно, при этом он довольно чувствительно стукнулся о балкон четвертого этажа, но голова и так болела, так что Чулков даже не обратил на это внимание.

– Мам, смотри, что они делают! – заорала дочь в полном отчаянии. Жена, свирепо рыча, выходила уже в главную комнату, и могла видеть Чулкова с сыном через окна.

Это подстегнуло Чулкова сверх меры. Он перебрался через ограждение, взмахнул еще раз и рванулся вперед, надеясь, что если крылья и не подхватят его, удастся спланировать на них, и не очень ушибиться.

* * *

Полет возник сразу, как иногда во сне приходит состояние парения. Да это и было похоже на сон.

Вот Чулков машет, вот каким-то образом находит под крыльями опору, вот он висит на месте, тут же соскальзывает чуть ли не до первого этажа вниз, но опора под руками и даже под всем телом стала уже совершенно ощутимой, он поднажал... И стал подниматься. Пролетел над крышами машин, поднялся еще немного и даже сумел перемахнуть через оставшиеся реденькие кусты. Снова поднапрягся, замахал чаще и... оказался уже на высоте своего третьего этажа.

Жена откуда-то сзади кричала во весь голос:

– И так, окаянный, про тебя все соседки рассказывают, а тут еще...

– Вам дай волю, вы про каждого сплетни заведете! – ответил Чулков, но без злобы, а просто от невыразимого наслаждения. И это оказалось самым правильным. Жена умолкла, видимо, он что-то угадал.

Но не это было сейчас главным. Куда интереснее и важнее было то, что он летел. По настоящему, поднявшись уже до середины четвертого этажа. Он летел.

* * *

Потом разом стало тяжело. Кровь зашумела в ушах, сердце забилося так, словно он поднимал немыслимой тяжести штангу... И все-таки испытывал восторг. Даже счастье!

И все волнения, все его недовольство жизнью разом прошли. Мужичек в дымчатых очках не соврал – это было решение всех проблем, разом. И очень качественное решение, так что у Чулкова не возникало ни малейшего сомнения – больше они никогда не вернутся. У

него теперь была жизнь вместо прозябания, цель вместо мечтаний, предназначение вместо непреходящей скуки!

Вот тогда-то он и врезался в стену противоположного дома. Да еще всем телом, так, что чуть не свалился вниз. Он попытался оттолкнуться от стены, как пловец, достигший противоположного края бассейна, но сделать это по-настоящему ему не удалось. И он все-таки потерял высоту, даже за какие-то ветки зацепился. Но потом справился.

Теперь он летел назад, в сторону своего дома, развернувшись так, как этого не сумела бы сделать ни одна птица. Теперь ему приходилось снова подниматься, чтобы дотянуть до своего балкона. Чтобы хоть на руках на нем повиснуть... Приземлиться и очутиться в окружении разудалых автомобилистов и некоторых их жен почему-то казалось невыносимым.

Он снова поднапрягся... И стукнулся крылом о провод. Боль возникла такая, словно он ударился своей живой рукой, а не серой пластмассой и перьями. Несколько клочков пуха закружились, отброшенные порывом его крыльев. Чулков, страшно изогнувшись, оглянулся, и заметил, как один соседский мальчишка успел подхватить пушинку...

Перед своим домом он полетел вдоль окон. Все-таки он научился маневрировать, хотя и получалось у него пока не очень. Потом он отлетел от дома, и понимая, что сил больше нет, бросился вперед, на свой балкон.

Об ограду он тоже ударился, да еще чуть было не поранил жену крылом, когда она ловила его, выставив вперед руки. Да еще чуть было оконное стекло не разбил... Но все-таки не разбил. Разом обмякнув, когда жена подхватила его, с неженской силой выдернув из провала трех этажей и из полета, как рыбину из воды.

Как с него снимали крылья, как ввели в большую комнату он помнил плохо. Отдыхаться сумел, когда уже лежал на диване. Пока его полуволокли, полувели к нему, жена сдернула крылья. Это было приятно теперь – избавиться от врезающихся в тело ремней, от крыльев, разом ставших неудобными и чересчур громозкими. Да еще на нем футболка пропотела насквозь. Но жена и ее сдернула. Так что все получилось удачно.

Но самым путевым было то, что ни жена, ни дочь не ругались. Обе как-то притихли, когда он вытянул ноги. И смотрели изучающе. Лишь сын прокомментировал:

– Ну, пап, ты даешь!

И это было почти так же здорово, как летать. Хотя и совсем из другой оперы.

* * *

Сказавшись на работе больным и оставшись дома, провалявшись на диване пару часов, Чулков понял, что обдумывает один непростой вопрос – почему все это выпало именно ему?

Ну да, он был нетрезв. Но ведь это не повод, чтобы награждать его крыльями? А то, что это было наградой и никак иначе, сомнений не вызывало. Шутка ли – первый человек, который научился летать сам по себе!

В общем, по зрелому размышлению, Чулков решил, что все было правильно. Ему всегда очень хотелось лететь, он даже чуть было в авиационное училище не поступил, если бы не зрение. Да и «Чайку Джонатан Ливингстон» Ричарда Баха читал раз пятьдесят. И про разные этапы развития авиации собрал чуть не целую библиотеку. А потому, например, знал, что еще в конце гражданской на юге у нас образовался летчик по фамилии Чулков, который начинал летать еще на «Вуазене» и бомбил французские броненосцы под Новороссийском. О нем потом кто-то очень толковые рассказы написал. Вот только имя автора Чулков не знал, потому что книжка была без обложки, может, автор был репрессирован, и его произведения изъяли... Жаль, что он был не родственник, хотя бы и дальний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.